

О ЛЕТОПИСНОМ ПЕРИОДЕ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д. Лихачёв

Исторические произведения древней Руси изучаются более 200 лет. Русскому летописанию, русской хронографии, русским историческим повестям посвящена огромная научная литература. Однако изучение исторических произведений древней Руси ограничивалось по большей части чисто книговедческим, источниковедческим или литературоведческим подходами. Даже работы акад. А. А. Шахматова и его школы, открывшие новые перспективы для понимания летописи, проблему изучения специфических особенностей исторического знания древней Руси не ставили. Только в последнее время появились немногочисленные пока работы, в которых сделаны попытки осмыслить самый характер исторического знания древней Руси. Я имею в виду статью акад. Б. Д. Грекова «Первый труд по истории России»², первые две главы «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейна, его же брошюру-лекцию «Историческое знание феодальной Руси (XI—XVII вв.)», его же статьи «Летописный период русской историографии»³ и книгу проф. И. П. Ерёмкина «Повесть временных лет» (Л. 1947). Если в первой из этих работ сделана интересная и правильная попытка охарактеризовать зрелость исторических воззрений составителя «Повести временных лет», то в работах двух других авторов, хотя и разделённых различным подходом к летописанию (у Н. Л. Рубинштейна — историографическим, у И. П. Ерёмкина — в значительной степени литературоведческим), их во многом совпадающая точка зрения на летописание вызывает серьёзные возражения.

С наибольшей ясностью эта общая двум последним авторам новая точка зрения на летопись выражена в работах Н. Л. Рубинштейна. Стремление вытянуть в один ряд поступательное развитие исторической мысли, без достаточного углубления в существо исторических воззрений каждой эпохи, без достаточного углубления в самый материал исторической литературы XI—XVI вв., привело автора к искусственному упрощению начального периода развития исторических знаний в России, к искусственному выделению в этих знаниях черт, соответствующих гораздо более ранним стадиям общественного развития, к чрезмерной архаизации самого исторического мышления, не менее ошибочной, чем, скажем, его модернизация. Эта архаизация и упрощение исторического мышления XI—XVI вв. сказываются прежде всего в том, что от летописца в ряде случаев отнимается элемент сознательного творчества, подчёркивается механичность летописной работы над текстом летописи, механичность в составлении летописных сводов, чем в значительной мере снижен и самый уровень исторического знания XI—XVI веков.

С точки зрения Н. Л. Рубинштейна, летописец лишён представлений о причинно-следственной связи событий и именно поэтому лишён возможности создавать связный рассказ об исторических событиях: «Голая хронологическая последовательность целиком заменяет вопрос об исторической связи» для летописца⁴. Летописец нанизывает события в стро-

¹ Уже в 1720 г. Пётр I издал указ о сборе исторических книг и древних рукописей («Законодательные акты Петра I», т. I, стр. 86—87. Л. 1945), чем и было положено начало их изучению.

² «Исторический журнал» № 11—12 за 1943 год.

³ «Учёные записки» МГУ. Вып. 93-й. «История». Кн. 1-я. М. 1946.

⁴ Рубинштейн Н. «Русская историография», стр. 20. М. 1941.

гой хронологической последовательности, пользуется изложением по годам потому, что только такое повествование позволяет ему как-то организовать рассыпающийся и внутренне не связанный ряд исторических фактов⁵.

Переход от такой летописной регистрации событий к летописному своду осуществляется, по мнению Н. Л. Рубинштейна, по мере механического накопления летописных знаний. Сменяющие друг друга летописцы лишь механически дополняют записи своих предшественников своими собственными. «Каждый летописец,— пишет Н. Л. Рубинштейн,— осуществляет фактическое авторство лишь в отношении небольшого отрезка летописи, описанного им в качестве современника. Отсюда чисто механическое соединение отдельных частей в сложном памятнике, который мы называем летописным сводом. Механическим объединением отдельных частей и является летописный текст вплоть до XV века». Этим местным летописям якобы «чуждо самое представление об едином процессе русской истории»⁷.

По мнению Н. Л. Рубинштейна, и переход от местных сводов к общерусским также совершается, в сущности, механически. Н. Л. Рубинштейн связывает его с реальным процессом объединения областей: «Территориальное поглощение княжества сопровождается упразднением идеологических памятников его бывлой самостоятельности. Местная летопись должна раствориться в истории московской, в московской летописи»⁸. Таким образом, присоединение областных летописей к московской совершилось, по утверждению Н. Л. Рубинштейна, после присоединения к Москве самих областей и опять-таки чисто механически.

Той же проблемой исторического мышления летописца занимается и И. П. Ерёмин. В своей работе «Повесть временных лет» он, как и Н. Л. Рубинштейн, обращает внимание на отсутствие у летописца представлений о причинно-следственной связи событий⁹ и связывает с этим форму изложения летописи по годам.

«Природа такого способа изложения,— пишет И. П. Ерёмин об изложении летописи по годам,— ясна: перед нами ряд фактов, выпавших из своего реального, конкретного в каждом отдельном случае причинно-следственного контекста,— перед нами одно из характерных проявлений его, летописца, допрагматического исторического мышления. Выпадение исторических событий в сознании летописца — и в его изложении — из реального причинно-следственного контекста привело и не могло не привести к тому, что основной категорией, в аспекте которой он мог и должен был рассматривать эти события, стало время»¹⁰. В своей работе И. П. Ерёмин прямо пишет о том, что для «Повести временных лет» характерен параллелизм событий, «но (!) параллелизм самого примитивного типа»¹¹, что летописный повествовательный стиль отличается «глубоким архаизмом»¹², что для летописца исключена «возможность охвата того или иного исторического события в целом»¹³, что прошлое в изображении летописца — «просто механический ряд единичных исторических фактов»¹⁴, что мир дробен в сознании летописца¹⁵. Однако, в отличие от Н. Л. Рубинштейна, И. П. Ерёмин в основном сосредоточил своё внимание на наблюдениях над стилем летописания. В своей книге

⁵ «Учёные записки» МГУ. Вып. 93-й. «История». Кн. 1-я, стр. 4.

⁶ Рубинштейн Н. «Русская историография», стр. 21.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ Там же.

⁹ Ерёмин И. «Повесть временных лет», стр. 52 и др. Л. 1947.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 54.

¹² Там же, стр. 72.

¹³ Там же, стр. 57.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 56.

И. П. Ерёмин дал обобщённую характеристику стиля, приёмов, манеры «Повести временных лет», объясняя всё той же «разорванностью сознания» летописца внутренние противоречия текста, стилистическую пестроту летописи, разнородность летописных характеристик и т. п.

И ту и другую попытку охарактеризовать историческое мышление летописца мы считаем неправильной. По нашему мнению, взгляды Н. Л. Рубинштейна и И. П. Ерёмина по данному вопросу находятся в прямом противоречии с конкретным материалом обширной исторической литературы древней Руси и исходят из ошибочных представлений об уровне общественного сознания в то время. Само собой разумеется, что в краткой статье невозможно не только разрешить, но и наметить весь тот обширный круг проблем, который возникает в связи с изучением исторических произведений древней Руси как проявлений исторической мысли своего времени. Поэтому цели данной статьи больше критические, чем конструктивные.

Удельный вес исторического знания в общей культуре древней Руси был весьма велик. Об этом свидетельствует не только распространённость исторических сочинений — летописей, хронографов, исторических повестей, — сохранившихся до нашего времени во многих сотнях списков¹⁶, об этом свидетельствует весь дух историзма, которым была проникнута древняя русская культура.

В древней русской литературе есть одна примечательная черта, на которую до сих пор не было обращено достаточного внимания: в её произведениях говорится только об исторических лицах и об исторических событиях. Действие повествования всегда происходило в точно определённой исторической обстановке или, ещё чаще, произведения древней русской литературы рассказывают непосредственно о самих исторических событиях. Главные герои древней русской литературы (в пределах до середины XVII в.) — это только деятели русской истории (Игорь Святославич, Александр Невский, Дмитрий Донской, и т. д., и т. п.) либо русские святые. Типизированных, обобщённо-вымышленных героев с вымышленными именами древняя русская литература не знает. Художественное обобщение в ней всегда опиралось на конкретные исторические имена, подавалось через описание исторических событий. Даже жития русских святых — Бориса и Глеба, Александра Невского и пр. — по преимуществу историчны¹⁷. Тот же исторический интерес древнерусского читателя сказывался и в выборе произведений для переводов на русский язык (вслед за богослужебной, «деловой» литературой переводилась преимущественно историческая: хроники, Александрия, Повесть о разорении Иерусалима Иосифа Флавия, Троянские деяния и т. д.). Русская литература XI—XVI вв. почти не знала личной темы, любовной лирики, развлекательных жанров, занимательной интриги и т. д.

Все эти факты отнюдь не случайны. Интерес средневекового читателя был прикован к истории. Средневековый читатель не интересовался произведением, если знал, что сюжет его вымышлен, а действующие лица никогда не существовали. Вот почему в древней Руси иногда даже слабые в литературном отношении произведения могли распространяться в сотнях списков, если только они касались крупных исторических явлений. Именно поэтому, например, сказание о Мамаевом побоище дошло до нас во многих списках и оказало большое влияние на всю русскую литературу XV—XVII вв., а несравненно более совершенное «Слово

¹⁶ Одних только списков Казанского летописца известно около 250. Списков других русских летописей сохранилось до тысячи; в сотнях списков дошли и хронографы.

¹⁷ Эта черта русских житий святых в отличие от византийских прекрасно охарактеризована С. А. Богуславским в главе о русских житиях киевского периода в «Истории русской литературы». Т. I, стр. 315—347. М.-Л. 1911.

о полку Игореве» пользовалось известностью и распространением преимущественно в ту эпоху, когда ясно осознавалось историческое значение похода Игоря Святославича. Древнерусский читатель в литературных произведениях искал историческое познание мира, его интересовал не реализм изображения, а сама реальность, не фабула, а сами события, хотя в оценке и понимании исторических событий он нередко был чужд реализма, принимая за реальное бывшие рассказы о чудесах, знамениях, явлениях и т. п.

Приступая к рассмотрению характерных особенностей исторического знания и исторического мышления древней Руси, необходимо прежде всего учитывать именно этот историзм всей древней русской литературы и общую большую весомость исторических знаний в древнерусской культуре.

Исторические произведения древней Руси в большинстве случаев дошли до нас отнюдь не в едином и цельном авторском тексте: одна и та же летопись или один и тот же хронограф сохранились в различных редакциях и различных изводах. Больше того: в большинстве случаев мы можем подозревать отсутствие «автора» в нашем, современном смысле этого слова. И в летописи и в хронографах, а нередко и в повестях, житиях, патериках перед нами предстаёт своеобразный, «коллективный автор», многообразный, социально неоднородный, принадлежащий нескольким столетиям, а иногда даже к нескольким национальностям. Было бы недопустимой модернизацией рассматривать тексты хронографов или летописи (например «Повести временных лет») как тексты единые, принадлежащие единственному автору. Попытки восстанавливать первоначальный «авторский» текст «Повести временных лет» (А. Шлецера) или найти единого автора для летописи Киевской (Татищева, Шлецера, Миллера) и Новгородской (Татищева, Миллера) давно оставлены наукой¹⁸. Наше современное понятие об авторстве и наше современное понятие о единстве текста произведения отнюдь не применимы к средневековой литературе, и это — главное, с чем мы должны считаться, подходя к произведениям средневековой литературы, и в первую очередь исторической.

В самом деле, ещё П. М. Строев обратил внимание на то, что летописи представляют собой своеобразные сборники разновременных и разнородных произведений — «своды» предшествующего материала и нового текста¹⁹. Это понятие «свода» было впоследствии конкретизировано и уточнено в применении к летописи в работах М. П. Погодина²⁰, И. И. Срезневского²¹, И. Д. Беляева²², К. Н. Бестужева-Рюмина²³ и в особенности в многочисленных работах А. А. Шахматова, обратившего внимание на то, что создание этих сводов отнюдь не может рассматриваться как дело «случая», что в основе их создания лежит не механический подбор случайного материала, а сознательная воля их составителя.

Действительно, «сводный» характер русских летописей не только выясняется путём их «генеалогического» изучения, но иногда прямо подчеркнут самими составителями летописей. В Новгородской пятой летописи под 1405 г. летописец перешёл к другому источнику, отметив за-

¹⁸ В последнее время столь же неудачная попытка рассмотреть текст «Повести временных лет» как единый сделана И. П. Ерёминим в книге «Повесть временных лет». Л. 1947.

¹⁹ Взгляд этот высказан П. М. Строевым в предисловии к изданию «Софийского временника» (1820).

²⁰ Главным образом в его «Исследованиях, замечаниях и лекциях». М. 1846—1854.

²¹ «Исследование о летописях новгородских». Изв. 2-го отд. Академии наук. Т. II. 1853 и др.

²² «Русские летописи по Лаврентьевскому списку». «Временник Общества ист. и древн. рос.» II, 1849; «О разных видах русских летописей». Там же, V. 1850.

²³ «О составе русских летописей до конца XIV в.». СПб, 1863.

имствование словами: «А се с другого старого»²⁴. Ссылка на «старые летописцы» имеется в летописи Авраамки под 1421 годом²⁵. Составитель Синодального списка Псковской летописи в первых же строках ссылается на какую-то «книгу сию»²⁶. В Софийской первой имеются на полях отсылки к «киевскому летописцу»²⁷. Свои источники указывает и составитель свода тверского князя Бориса Александровича²⁸. Иногда материал, послуживший основой для свода, просто дурно соединён, ясно обнаруживая «швы» при включении одной летописи в другую (например, в Тверском сборнике, где повторяются 1247—1255 годы). О том же свидетельствуют, наконец, многочисленные «дублировки» известий в летописях. Таким образом, сводный, компилятивный характер русских летописей выражен весьма резко.

До сих пор не было обращено особого внимания на то обстоятельство, что этим характером «сводов» обладают не одни только русские летописи, но и другие исторические произведения древней Руси. Такими же сводами, как и летопись, являются и хронографы (Еллинские летописцы всех видов, Русские хронографы всех редакций. Палеи — хронографическая, толковая, историческая), патерики, жития. В своды же иногда группируются по местному, локальному признаку и многие русские повести исторического характера. Цикл рязанских сказаний об иконе Николы Заразского²⁹ объединяет в своём составе воинскую повесть о разорении Рязани Батыем, переработку былины о Евпатии Коловрате, типическую легенду о перенесении иконы Николы из Корсуни, ряд вставных эпизодов XIV—XVI вв., рассказ о чуде от иконы в Коломне, генеалогии «служителей» церкви Николы Заразского и др. Отдельные местные «своды» составляют также муромские повести, новгородские повести, китежские предания и т. п.

Необходимо решительно подчеркнуть, что «сводный», компилятивный характер древнерусских исторических произведений не есть особенность только формы исторических произведений. Дело здесь не в форме и не в последующей истории текста отдельных произведений, а в особом, присущем древнерусскому историку историческом сознании. Форма летописей, хронографов, исторических повестей в данном случае — лишь одно из проявлений этого исторического сознания. Действительно, выше уже отмечалось, что средневековый русский читатель ценил в исторических произведениях прежде всего их документальность. В связи с этим средневековые историки (в пределах до XVI в.) давали целиком новый авторский текст преимущественно о современных им событиях, о тех, которыми они могли быть свидетелями или о которых они могли знать от свидетелей. Мы редко можем указать в древней русской литературе историческое произведение, первоначальный текст которого был бы написан спустя столетие или более после описываемых событий. О более или менее далёком прошлом средневековые авторы предпочитали компилировать, соединять в новые варианты старые произведения, перерабатывать их стилистически, согласно новым вкусам, но сохраняя при этом старую фактическую и сюжетную основу, ценя в старых произведениях документ, подлинность. Сколько бы труда ни положил летописец на составление летописного свода, личный, авторский текст летописца будет охватывать лишь последнюю часть этого свода. Летописные труды постоянно

²⁴ Полное собрание Русских летописей (ПСРЛ). Т. IV, стр. 145, прим. а.

²⁵ ПСРЛ. Т. XVI, стр. 173.

²⁶ Насонов А. «Из истории псковского летописания», «Исторические записки». Т. XVII, стр. 281. 1946.

²⁷ Шахматов А. «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.», стр. 212—213. Л. 1938. ПСРЛ. Т. V. Вып. 1-й, стр. 147—149. Л. 1925.

²⁸ ПСРЛ. Т. XV, стр. 465. 1863.

²⁹ Результаты своего исследования этого любопытного «свода» рязанских повестей, как и самый их текст, на основании всех доступных мне списков (около 70) я надеюсь опубликовать в ближайшем будущем.

дополнялись, разрастались новыми записями. История никогда не имела для русских людей XI—XVI вв. законченных периодов, а всегда продолжалась современностью. Каждый летописец всегда стремился довести летописные записи «до князя нынешнего», до своего времени. И в этих конечных записях летописцев заключён обычно особенно ценный исторический материал³⁰. Вот почему летопись — это жанр без конца; его конец в постоянно ускользающем и продолжающемся настоящем. Настоящее как продолжение истории, как живой и вечно продолжающийся итог — это своеобразное историческое восприятие сказалось также и в самой форме «сводов», компиляций как соединяющих старый, документально ценный материал и продолжающих его новыми записями до современных летописцу событий.

Средневековые компиляции составлялись прежде всего ради сохранения первоначального текста как своего рода документа. Именно этим и объясняется, что средневековый историк, с одной стороны, предпочитал подробно писать о событиях чужими словами (я делаю ударение на словах «подробно» и «о событиях», так как краткие обзоры обобщающего характера могли составляться и совершенно заново: см. такие обзоры в «Слове о погйбелѣ», в «Слове о полку Игореве» и т. п.), а с другой стороны, спешил дополнить старые записи своими собственными наблюдениями современника. Вот это своеобразие «исторического сознания» средневековья и было причиной того, что характер сводов, компиляций имели преимущественно исторические произведения древней Руси. В своды не соединялись ни «слова», ни «поучения», а только те произведения, которые рассказывали о прошлом.

Рассматривая компилятивный, «сводный» характер большинства исторических памятников древней Руси, мы должны учитывать и ещё одно обстоятельство, также сказавшееся на пестроте и сложности дошедших до нас исторических памятников древней Руси. Сложность этих памятников вовсе не объясняется только тем, что они имеют составное происхождение. В научной литературе неоднократно указывалось на стилистические трафареты в русской средневековой письменности («воинские формулы» — акад. А. С. Орлов³¹, житийные шаблоны — В. О. Ключевский³²). Эти стилистические трафареты являются проявлениями своеобразного средневекового писательского этикета; о каждом роде фактов следует писать в своей, только для этой группы фактов предназначенной манере: о святом — только в житийных штампах (в трафаретных выражениях описываются детство святого, подвиги в пустыне, кончина, предсмертные слова и т. п.); о всенных действиях, — только в воинских формулах (враг наступает «в силе тяжце», стрелы летят «как дождь», кровь «течѣт по удолиям»); умершему князю преподносится шаблонная некрологическая похвала и т. д. Манера изложения и идеи, вкладываемые в эти изображения, меняются по мере перехода от одного предмета к другому: в житиях святых военные действия изображаются в воинских формулах, а в воинских повестях изображение святого подчинено житийным шаблонам, в летописях же соединяются все манеры изложения — в зависимости от того, о чём идёт речь. И это отнюдь не результат «разорванности сознания» летописца, неумения обобщить факты, «алогизма»

³⁰ На ценность этих дополнений и к летописям и к хронографам обратил особенное внимание М. Н. Тихомиров («Источниковедение истории СССР». Т. I, стр. 135. М. 1940), практически подкрепив это своё положение рядом публикаций, дополнений к хронографам и летописям.

³¹ Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.), «Чтения в обществе истор. и древн. росс.». Кн. 4-я, стр. 1—50, 1902; «О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв.», «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук» (ОРЯС АН). Т. XIII. Кн. 4-я, стр. 344—379. 1908; «Хронограф» и «Повесть о Казанском царстве». Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Сборник ОРЯС АН. Т. CI, № 3, 1928 и др.

³² «Древнерусские жития святых как исторический источник», особенно стр. 358—438. М. 1871.

мышления, как это утверждает И. П. Ерёмин. Переходы от одной системы изложения к другой вполне последовательны и закономерны. Они вызывались необходимостью говорить о том или ином явлении только в тех выражениях, в тех образах, сравнениях, которые были приняты в отношении этого типа явлений. И дело здесь заключается опять-таки не только в форме изложения, но и в существе изложения, поскольку все эти стилистические трафареты, весь этот «этикет» писательского ремесла был связан и с идейными представлениями средневековья о святом, о злодее, об идеальном типе князя, о мотивах, по которым враги нападают на Русскую землю, о причинах стихийных бедствий (моровой язвы, засухи, нашествия иноплемеников, и пр., и пр.). Как и сводный характер исторических произведений, это стремление к переключению из шаблона в шаблон, это «нанизывание» различных типов стилистических трафаретов в одном и том же произведении ведёт нас к иному, глубоко отличному от современного представлению и об авторском тексте (единство которого вовсе не было обязательным) и об авторской точке зрения на события.

Представление об исторических произведениях древней Руси как о своеобразных компиляциях — «сводах» — ставит перед нами вопрос об отношении авторов этих компиляций к включаемому в них историческому материалу: как использовались предшествующие тексты в компиляции, делались ли попытки перерабатывать используемый текст, как поступал сводчик в случае разноречия материала, как проводил свою собственную точку зрения на исторические события и т. п.

Было бы неправильным предполагать, что сохранение текста предшествующих исторических произведений в составе нового было результатом не критического и безразличного отношения средневекового историка к своим источникам, что заимствование материала в этих компиляциях было механическим и осуществлялось по случайным поводам. В так называемой Новгородской второй летописи имеется любопытная запись неизвестного летописца 1592 г. о розысках летописей, которыми он занимался для своей работы. Он пишет, что смотрел «литописць Лесицкой», о котором «сказывали», что он «добри сполна», но оказалось, что он «не сполна, разве написано в летописце в Лесицком владыки Навьгородцькие не вси сполна, писаны разве до владыки Еуфимия Навьгородького»³³.

Эти поиски неизвестным летописцем наиболее полных источников для своих сводов не были случайностью. Подробное изучение редакций отдельных исторических произведений убедительно показывает, как упорно и настойчиво расширяли составители сводов свой исторический материал включениями всё новых и новых исторических произведений для наиболее полного освещения событий. Сошлось хотя бы на постепенный рост русских всемирноисторических компиляций — Еллинских летописцев. Эти обширные компиляции были составлены на Руси и русскими авторами далеко не сразу³⁴ из литературных материалов, по большей части переводных, имевших хождение в древней русской письменности. Эти переводы были с греческого (в основном), с латинского и непосредственно с еврейского³⁵. Часть этих переводов была сделана в Бол-

³³ Новгородские летописи, стр. 111—112. СПб. 1879.

³⁴ В XIX в. предполагали болгарскую основу Еллинского летописца (арх. Леонид «Древняя рукопись». «Русский архив». 1889 год. Кн. 4-я; А. А. Шахматов «Древнеболгарская энциклопедия X в.». «Византийский временник». 1900. Т. VII, № 1), однако исследованиями В. М. Истрина доказано русское происхождение Еллинского летописца (в исследованиях «Александрия русских хронографов». М. 1893; «Редакции Толковой Палеи». СПб. 1907; «Хроника Георгия Амартола». Т. II, Пгг. 1922).

³⁵ Об этом см. в неопубликованной работе Н. А. Мещерского «Русские переводы древнееврейской книги Эсфирь» (хранится в Институте востоковедения АН СССР).

грии (некоторые библейские книги), а часть — на Руси («Александрия», «Иудейская война» Флавия, книга Эсфирь и многие другие). Первоначальную основу этой компиляции (первая редакция Еллинского летописца³⁶ — списки Синодальный 280 и Погодинский 1437) составляли византийские монашеские хроники — Георгия Амартола, Иоанна Малалы и Летописец вскоре. Искусство и высокая требовательность русских авторов, работавших над этим сводом в XII — XIV вв., наглядно видны хотя бы из того, что они, не довольствуясь материалами этих хроник, дорабатывали их вставками, заменами и уточнениями иногда на основании источников этих самых хроник. Вместо соответствующих мест Амартола или Малалы в текст Еллинского летописца включались библейские исторические книги Ветхого завета (Списки Кирилло-Белозерский 76 и Чудовский середины XV в.), вместо рассказа хроники Малалы об Александре Македонском — более подробный текст «Александрии» второй редакции (см. список БАН конца XV в., Чудовский середины XV в., список Общества любителей древней письменности (ОЛДП) 33 и др.). В те же списки Еллинского летописца второй редакции включаются Сказание о трёх пленениях Иерусалима Иосифа Флавия с особой повестью «Взятие Иерусалима третьё Титово», Сказание Епифания о богородице, «Видение Даниила», замечательная новгородская повесть о взятии Константинополя крестоносцами, известия о крещении Руси (отличные от летописи), о походах русских князей на Византию (отличные от «Повести временных лет»), повесть «О Казарине и его жене» и многие другие. В результате всемирная история на Руси была представлена очень подробным и умело подобранным компилятивным сочинением, составленным на основании всех лучших источников, какие только имелись в распоряжении русских книжников.

Данные анализа летописных текстов вплоть до конца XV в. показывают, что сам летописец не признавал за собой права «свободно» распоряжаться текстом своих предшественников. Летописец дорожил текстом предшествующей летописи как своего рода документом. Переработка предшествующего летописного материала могла быть допущена только по очень веским основаниям (например, при разноречии источников) и носила строго определённые формы. Летописец по большей части ограничивался выработанными приёмами сокращений, дополнениями из других источников, некоторыми изменениями в характеристиках исторических лиц или в освещении событий, поновлениями языка и стиля и редко — типичными для средневековой письменности «распространениями». Ни произвольных добавлений в фактическую часть летописного рассказа, ни необоснованных утверждений летописцы, писавшие до конца XV в., как правило, не допускали. Именно этим, а не «механичностью» работы летописцев и объясняется то обстоятельство, что поздние летописи обычно сохраняют в мало изменённом виде известия XI — XIII вв.; и это — несмотря на решительную и многократную ломку летописных текстов дополнениями или некоторыми сокращениями.

Проследим те случаи, в которых летописец допускал переделку предшествующего текста. Некоторый материал для этого даёт простое сличение двух списков «Повести временных лет», тексты которых получили независимое друг от друга развитие ещё с первой четверти XII в., — Лаврентьевское, переписывавшегося на северо-востоке Руси в течение двух с половиной веков, и Ипатьевского, переписывавшегося на юго-западе Руси, а затем в Пскове в течение трёх веков. Замечательно, что,

³⁶ Вопреки мнению А. А. Шахматова, считавшего первоначальной вторую, а не первую редакцию Еллинского летописца, работами В. М. Истрина доказана первоначальность именно первой редакции (см. его работы, перечисленные выше). Ср. также работы К. К. Истомина «Некоторые данные о протографе Еллинского летописца», «Журнал Министерства народного просвещения» за март 1904 г. и др. его же.

как ни велик промежуток времени, отделявший оба эти списка «Повести временных лет» от времени её создания, как ни часто «Повесть временных лет» входила в состав различных областных сводов, прежде чем дошла до нас в этих списках, — оба текста «Повести временных лет» сравнительно близки друг к другу, если не считать некоторых вставок в Ипатьевском. Последующие составители сводов ограничились немногочисленными стилистическими изменениями, некоторым расширением первоначального текста с целью увеличить впечатление от событий, вставками рассуждений и крайне немногочисленными изменениями характеристик. Повторения стилистические выражаются главным образом в изменениях лексики при сохранении синтаксической конструкции фраз. Например: «бѣше бо молод велми» в Ипатьевской вместо «детески» в Лаврентьевской (879 г.), «Игоря молод а» вместо «детеска» (882 г.), «дани даяти» вместо «платити» (884 г.), «пережгоша мовницю» вместо «истопку» (945 г.), «своя ся лишив» вместо «охабив» (968 г.), «милостьнице Ольжины» вместо «ключнице» (970 г.), «прочь зря» вместо «кроме» (971 г.), «приступи к роду» вместо «пристряпати» (980 г.), «да видити своим очима» вместо «да узрите» (997 г.), «дойти двора моего» вместо «дolestи» (996 г.) и т. д. Расширения текста с целью простого увеличения впечатления от событий менее часты. Например: «детеск велми» в Ипатьевской вместо просто «детеск» в Лаврентьевской (946 г.), «стонаньем великом» вместо «стонаньем» (1097 г.). Встречаются случаи изменения текста с целью удаления из него того, что свидетельствует о записях современника. Под 1044 г. Лаврентьевская летопись сохранила слова летописца, современника Всеслава Полоцкого, о головной повязке, которую надели на Всеслава при рождении: «Еже носить Всеслав и до сего дне на собе; сего ради немилостив есть на кровопролитье». В Радзивилловской вместо «носить» — прошедшее время «носи», а слово «есть» опущено. В Ипатьевской «носил», а вместо «и до сего дне» «и до смертного дни». В Хлебниковском списке вместо «есть» «бысть». 1097 г. в Лаврентьевской летописи имеются слова: «и есть рана та на Василке и ныне». В Ипатьевской вместо них читаем: «и бѣше знати рану ту на лиці ему». В Радзивилловской эти слова опущены вовсе. Совсем редки, но всё же встречаются изменения характеристики. Характерный случай такого изменения читаем под 971 г. в Ипатьевской летописи, где греки «мудри» в противоположность более первоначальному тексту Лаврентьевской летописи, в которой они «льстиви». Последний случай — изменение характеристики — довольно близок часто встречающимся в поздних летописях XV и особенно XVI в. попыткам развивать текст предшествующей летописи собственной интерпретацией. Так, например, к фразе краткого извлечения из «свода 1448 г.»: «А со князем Володимиром бысть тогда под Корсунем вся Русская земля и новгородци» — составитель Псковской летописи (Синодальный список № 154) добавил и «псковичи». Сделал он это, очевидно, потому, что в XV—XVI вв. понятие «всей Русской земли» включало и Псков.

Весьма интересно проследить, как поступает летописец в случаях разногласия источников. Как правило, летописец вовсе не оставался равнодушен к противоречиям находящегося в его распоряжении материала. Многого он, конечно, не замечал, многого он и не мог заметить в силу ограниченности своего исторического мировоззрения, но в некоторых случаях он всё же предпринимал своеобразные разыскания, игнорировать которые отнюдь не следует. Составитель «Повести временных лет» вступает в обсуждение различных версий того, кто такой был Кий, где крестился Владимир (под 988 г.), из какого материала были сделаны изваяния коней, стоявшие «за святою богородицею» при Владимире (там же), и т. п. Во вводной части «Повести временных лет» по Ипатьевскому

списку об основании Киева Кием читаем: «И приходившу ему к царю не смеи, но токмо о сем веи, яко же сказают, яко велику честь приял есть от царя, котороуо не веи»³⁷. Следовательно, какой-то летописец (Ипатьевской летописи или её протографа) стремился узнать, при каком греческом царе приходил в Царьград Кий, но тщетно, и прямо в этом сознался. Можно привести немало примеров исправлений и уточнений, которые летописец вносил в текст используемых им источников. В рассказе о крещении Ольги по Лаврентьевской летописи мы читаем: «Бе тогда царь имяем Цемьский»³⁸, а в Ипатьевской летописи это же место читается с поправкой: «И бе тогда царь Костянтин сын Леонтов» (955 г.)³⁹. Составитель второй редакции Софийской первой летописи правильно заменил в статье об убиении Михаила Ярославича Тверского митрополита Максима митрополитом Петром⁴⁰.

В своей работе летописец своеобразно оценивал достоинства своих источников. Он, например, явно предпочитал текст документов тексту предшествующей летописи. Это достаточно отчётливо видно из анализа А. А. Шахматовым тех изменений, которые были сделаны составителем «Повести временных лет» в тексте Начального свода (сохранившегося в Новгородских летописях) на основании данных договоров русских с греками⁴¹. Предпочитал летописец и свидетельство памятников материальной культуры прошлого данным письменных источников. Так, например, рассказ древнейшей Новгородской летописи о смерти Олега «за морем»⁴² киевлянин — составитель «Повести временных лет» — изменил, заставив Олега умереть в Киеве, так как обратил внимание на то, что в Киеве «есть могила его и до сего дни»⁴³. Этот же тип изменений предшествующего текста может быть продемонстрирован на примере одной явной ошибки в Ипатьевской летописи. Допущенное здесь изменение текста касается Успенского собора во Владимире, который в первоначальной постройке Андрея Боголюбского был одноглавым; пятиглавым этот собор сделал только Всеволод. Об этом хорошо помнили в самом Владимире⁴⁴, и в Лаврентьевской летописи, отражающей владимирскую линию летописания за эти годы, о нём до его перестройки постоянно говорится как об одноглавом: «и верх ея позлати»⁴⁵. Однако в Ипатьевской летописи видим иную форму того же текста: «и верхы ея позолоти»⁴⁶. О пяти верхах говорится в Ипатьевской летописи и под 1158, 1175, 1183 годами. Киевский летописец явно отождествил современное ему пятиглавие владимирского Успенского собора с той формой его, которая ему была придана ещё Андреем Боголюбским, и исправил на этом основании текст летописи. Иногда летописец проверял свои данные по тексту византийских хроник, иногда — по Библии⁴⁷. Весьма часты в летописи ссылки на материал, послуживший источником для летописца. Мы находим такие

³⁷ ПСРЛ. Т. II, стр. 8. СПб. 1908.

³⁸ ПСРЛ. Т. I, стр. 60. Вып. 1-й. Л. 1926.

³⁹ ПСРЛ. Т. II, стр. 49. СПб. 1908.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. V, стр. 207, прим. I; стр. 208, прим. а.

⁴¹ Шахматов А. «Повесть временных лет и её источники». «Труды Отдела древнерусской литературы». Т. IV, стр. 111 и сл. Л. 1940.

⁴² Новгородская летопись по Синодальному списку. СПб. 1888.

⁴³ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. Вып. 1-й, стр. 39. Л. 1926.

⁴⁴ Ср. в Воскресенской летописи в похвале Всеволоду под 1212 г.: «Положиша его в церкви пречистыя богородици в Владимири юже созда брат его Андрей, преже об едином врьсе, потом же он пристави 4 врьхи и такоже позлати их». ПСРЛ. Т. VII, стр. 118. СПб. 1856.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2-й, стр. 351. Л. 1927.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II, стр. 511. СПб. 1908.

⁴⁷ См. Айналов Д. «Некоторые данные русских летописей о Палестине». Сообщения Православного Палестинского общества. Т. XVII. Вып. 3-й, стр. 339—340. 1908.

ссылки и в «Повести временных лет»⁴⁸, и в летописи Московской⁴⁹, в Тверской⁵⁰ и др.

Очень важен вопрос о том, насколько точно отражены в летописи народные предания, в какой мере им доверял летописец. К сожалению, для точного ответа на этот вопрос материала слишком мало, однако и здесь мы должны отметить, что слепого доверия к народному преданию летописец отнюдь не проявлял. Летописец брал из народного предания лишь то, что не противоречило имевшимся в его распоряжении письменным источникам. Вот пример: в Лаврентьевской летописи под 1128 г. записано предание о Владимире и Рогнеде, явно фольклорного происхождения, на что прямо указывает и сам летописец: «Яко сказаща ведущии прежд», — но это предание подверглось переработке и согласованию со статьёй о тех же событиях 980 г. Лаврентьевской летописи⁵¹, откуда и заимствован частично самый текст.

Насколько сознательно относился летописец к предшествующему материалу, показывают постоянные проверки им хронологии используемых летописей, а впоследствии — с XV в. — генеалогические справки, которыми снабжался текст московских летописных сводов. Не стану повторять выводов, к которым пришёл А. А. Шахматов, установив огромную работу летописцев по уточнению хронологии «Повести временных лет»⁵², упомяну только, что и впоследствии летописцы выступают своеобразными исследователями хронологии. Один из летописцев — новгородец Кирик, работавший во второй четверти XII в., — оставил даже особую работу по хронологии («Учение, им же ведати числа всех лет»⁵³). Иногда летописец снабжал текст своей летописи хронологическими справками⁵⁴, иногда исправлял предшествующие даты⁵⁵. Насколько умело обрабатывался летописцем доставшийся ему материал предшествующих летописей, может быть легко прослежено на тех летописных сводах, в которых сводчику приходилось сильно сокращать летописное изложение, выбирая из массы фактов лишь наиболее существенные. Это ясно, например, из рассмотрения летописи Авраамки⁵⁶, где важнейшие события отчётливо отделены от мелких.

⁴⁸ Ср. ссылки на рассказы Яна Вышатича под 1106 г. и Гуряты Роговича под 1096 г. (в «Повести временных лет»), ссылки на Амартола (во ввводной части «Повести временных лет») и т. п.

⁴⁹ Ср., например, ссылки на «Летописец великий русский» в сгоревшей Троицкой летописи под 1392 годом. Карамзин Н. «История Государства Российского». Т. V, прим. 148.

⁵⁰ Ср. в Тверском сборнике под 1224 г. рассказ об Александре Поповиче со ссылками и на устный («глаголют бо») и на письменный («описание») источники ПСРЛ. Т. XV, под 1224 годом. 1863.

⁵¹ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2-й, под 1128 г., стр. 229. Л. 1927. ПСРЛ. Т. I. Вып. 1-й, под 980 г., стр. 75—76. Л. 1926.

⁵² Шахматов А. «Исходная точка летосчисления «Повести временных лет». «Журнал Министерства народного просвещения» № 3 за 1897 г.; е го же «Хронология древнейших русских летописных сводов». «Журнал Министерства народного просвещения» № 4 за 1897 год.

⁵³ «Труды Общества истории и древн. росс.» при Московском университете. Ч. 4-я. Кн. 1-я. 1828.

⁵⁴ Например, в летописце епископа Павла: «В лето 6929, кругу солнцу 17, а луне 17, индикта 14, переписаны лета о немецком побитии, о татарском и о великомирском; ино изочтено немецкому побитию 70 лет и лето вышло, а татарскому побитию 82 лете» (Шахматов А. «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.», стр. 308. Л. 1938).

⁵⁵ Так, например, в Новгородской четвёртой летописи дата крещения Ольги исправлена с 6463 на 6466 год. Исправление это, очевидно, сделано по данным византийской исторической литературы (дата 6466 как год крещения Ольги указана у Константина Багрянородного). ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1-я. Вып. 1-й, стр. 41. Птг. 1915.

⁵⁶ См. заявление об этом самого летописца: «Се же ми о сем написашу от многа мало, еже ми худый умь постиже и сие ми память принесе; аще кому се непотребно будеть, да сущим по нас оставимь да не до конца забвено будеть» (ПСРЛ. Т. XVI, под 1352 г., стр. 85. СПб. 1889).

Таким образом, совершенно неправильно утверждение Н. Л. Рубинштейна, что летописцу «чужда самая проблема источника, а, значит, и самые элементарные предпосылки исторической критики». Как явствует из вышеизложенного, летописные своды не были механическими компиляциями случайно доставшегося в руки летописца исторического материала. Примеры сознательного отношения летописца к источникам своего труда легко могли бы быть умножены.

В начале статьи мы коснулись центрального и исходного утверждения Н. Л. Рубинштейна — об отсутствии у летописца представлений о причинно-следственной связи событий, — утверждения, которое отбрасывает историческое мышление летописца прямо-таки в леви-брюлевское «первобытное» общество. Есть ли реальные основания это делать? Есть ли основания предполагать разрыв между историческим знанием Руси и феодальным историческим знанием Западной Европы, где представления о причинно-следственной связи событий, несомненно, существовали? В самом деле, западная схоластическая наука, следуя Аристотелю, точно различала «знание существующего» — «scire quia»⁵⁷ и «знание причин существующего» — «scire propter quid». Наука даже в самом начале феодального периода имеет достаточно развитые представления о причинно-следственной связи событий. Отсутствие таких представлений может быть свойственно лишь глубоко примитивному обществу и то лишь отчасти, так как сама практическая деятельность человека невозможна вне каких-то, хотя бы элементарных, представлений о причине и следствии, вне попыток установить внутреннюю реальную связь между событиями. Конечно, самое качество этих представлений в средние века было далеко не совершенным, но это вовсе не означает, что их вообще не было. Следует отметить, что и провиденциализм как мировоззрение есть способ установить причинность между явлениями.

Исторической причинностью русские в XI—XVI вв. интересовались не меньше, чем на Западе. Доказательством тому может служить сама «Повесть временных лет». Свои задачи Нестор точно сформулировал в самом названии своего труда: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача перве княжити и откуда Руская земля стала есть». Уже из этого заглавия видно, что летописец ставил себе определённые и конкретные цели. Его повествование было рассчитано на известную систематизацию исторического материала, на некоторый его отбор — подчинение точным задачам. Прежде всего составитель «Повести временных лет» интересуется происхождением народа, государства, княжеского рода, славянской грамоты, Киева, географических и племенных названий. Он интересуется взаимными связями племён и народов, классифицирует языки и т. д. Конечно, летописец воспринимает причинно-следственную связь в узком объёме, его представления о ней несложны. Тем не менее летописец — не механический регистратор событий: он, безусловно, исследователь, исследователь далеко не совершенный, но уже отчётливо различающий связь событий и стремящийся к некоторым разысканиям. Эти свойства летописца особенно ясно определились во вводной части «Повести временных лет», где, кстати, нет никакой внешней рубрикации исторического материала по годам и где исторические события излагаются только в их внутренней последовательности, в порядке их внутренней связи, по-своему понятой летописцем. Но и в дальнейшем — там, где в летописи исторические факты описываются по годам, — там так же внешняя хронологическая организация материала не мешает летописцу интересоваться причинами и происхождением

⁵⁷ «Quia» — «потому что» — в средневековой латыни упребреялось в значении «что».

исторических явлений. Летописец тщательно выясняет, например, почему крестился Владимир, говорит о побуждениях князей, о поводах вражды и т. д., не стесняясь при этом выходить за пределы хронологических рамок изложения событий. Лучший пример тому — рассуждения летописца в Лаврентьевской летописи (под 1128 г.) о причине вражды «Рогволожих внуков» против «Ярославлих внуков», т. е. полоцких князей Рогволодовичей и русских князей потомков Ярослава. Чтобы разъяснить причины этой борьбы, летописец, ломая хронологические рамки рассказа, возвращается к событиям конца X в. и рассказывает известную историю сватовства Владимира к полоцкой княжне Рогнеде, после чего заключает: «И оттоле мечь взимають Рогволожи внуци противу Ярославлих внуков»⁵⁸. Эти попытки выяснить причины происходивших событий не оставляют летописца и в период наибольшего развития феодальной раздробленности. Под 1375 г. в летописи Авраамки мы находим особую статью «О войне и о брани, иже бе под Тферью». В ней говорится о приезде в Тверь Некомата «с бессерменьскою лестью от Мамаю» как о причине последующих событий. Летописец заключает свой рассказ следующим замечанием: «Се же писах того ради, понеже огнь загореся от того»⁵⁹. Аналогично этому и в Симеоновской летописи (как и в некоторых других) велед за рассказом о том, как в 1433 г. на свадьбе Василия II Софья Витовтовна сняла пояс с Василия Косого, мы находим следующее заключение: «Се же пишем того ради, понеже много зла с того ся почало»⁶⁰. Интерес к первопричинам, к исходным моментам событий сказывается в самом изложении исторических фактов. Летописец уделяет внимание тому, что мы сейчас назвали бы поводом событий, он интересуется тем, от чего пошла вражда, кто первый начал ссору и т. д. Городские волнения в Новгороде в 1418 г. описаны в Новгородской четвертой летописи как следствие простой уличной ссоры между «человеком неким Степанко» и боярином Данилом Ивановичем Божиным внуком⁶¹. Характерно, что и городские власти Новгорода, занявшись расследованием этих социальных волнений, во время которых жители в воинских доспехах вступали в настоящее сражение, решили прежде всего выяснить «вещи сия начало»⁶², т. е., несомненно, обратились к расследованию этой мелкой уличной ссоры, на которую особое внимание обратил и летописец.

Отсутствием якобы у летописца представлений о причинно-следственной связи событий Н. Л. Рубинштейн объясняет и своеобразную форму летописи — описание событий по годам — как единственную форму внешней организации внутренне не связанного материала. Между тем изложение по годам отнюдь не может свидетельствовать о неспособности летописца устанавливать причинные связи (как, например, не свидетельствует о том форма изложения в дневниках — по дням). Самая эта форма вовсе не обязательна в летописи. Во всей обширной вступительной части «Повести временных лет» нет изложения по годам. Этот вид изложения явно отсутствовал в протографе Ипатьевской летописи за XII в.⁶³, её не было и в княжеской летописи Переяславля Русского⁶⁴ и т. д. Наконец, в тех случаях, когда эти годовые статьи отличаются обширными размерами (иногда в несколько десятков страниц печатного текста), вряд ли можно признать за ними какую-либо организующую роль (ср., например, обширные годовые статьи киевской части Ипатьевской летописи, особен-

⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2-й, стр. 301. Л. 1927.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XI, стр. 98. 1889.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 172. 1913.

⁶¹ ПСРЛ. Т. IV. Вып. 2-й, стр. 421. Л. 1925.

⁶² Там же, стр. 424.

⁶³ В таком именно виде (без разбивки изложения по годам) дошел текст Галицкой летописи в Хлебниковском списке (см. также Л. В. Черепнин «Летописец Даниила Галицкого». «Исторические записки» № 12, стр. 230 и сл. М. 1912).

⁶⁴ При селке во М. «История русского летописания XI—XV вв.», стр. 69. Л. 1940.

но за 50-е годы). Следует также вспомнить, что одновременно с летописью и рядом с нею существовали другие литературные и литературно-исторические произведения: жития, патерики, хронографы, произведения учительной литературы и т. п. В этих произведениях иногда отчётливо и связано излагаются исторические события, высказываются общие взгляды на ход русской и всемирной истории. Так, например, обзор некоторых событий русской истории даётся в «Слове о законе» митрополита Илариона, оценка событий мировой истории и русской истории как части этой мировой истории даётся Нестором в «Чтении» о Борисе и Глебе, автор «Слова о полку Игореве» обобщает события русской истории-за полтора столетия, жизнеописание Даниила Галицкого и жизнеописание Александра Невского посвящены событиям русской истории почти за полуторастолетний период каждое, историю Киево-Печерского монастыря за длительный период даёт Киево-Печерский патерик и т. п. Отнюдь нельзя утверждать, что все эти исторические произведения никак не связывают события в цельную историческую картину. Следует помнить, что летопись не является единственной формой исторического изложения в древней Руси. Нельзя узко жанровые признаки летописи (как форму изложения по годам) выводить из общих законов «исторического мышления средневековья», забывая о существовании наряду с летописью других жанров исторического повествования, где этих признаков не оказывается. Именно это упускают из виду Н. Л. Рубинштейн⁶⁵ и И. П. Ерёмин⁶⁶.

Итак, летописец, стремясь сохранить текст своих источников в составе своего труда («свода»), в то же время в известной мере критически подходил к сведениям, которые в них сообщались. Он проверял датировки, обновлял по временам лексику (сохраняя неизменной синтаксическую конструкцию фразы), иногда уничтожал в тексте признаки современности записей и т. д. Вместе с тем летописец, несомненно, имел известные представления о причинно-следственной связи событий. В своих исторических разысканиях он стремился доискаться «начала» каждого исторического явления, будто происхождение Руси, происхождение славянской грамоты или начало того или иного феодального междоусобия, начало того или иного социального волнения.

Перейдём к наиболее важному вопросу нашей статьи — к вопросу об идеологии древнерусского историка.

Установление политической заострённости летописного текста, продемонстрированное на множестве примеров, принадлежит к числу самых важных завоеваний исследований летописания А. А. Шахматова и его школы. Слова А. А. Шахматова о том, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы»⁶⁷, стали крылатыми. В последнее время это важное положение, по-новому раскрывшее летописный текст как исторический источник, было оспорено в работе И. П. Ерёмина «Повесть временных лет». Противопоставляя свой образ летописца-моралиста образу летописца-политика, созданного А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, И. П. Ерёмин пишет: «Действительный (!) летописец, каким он рисуется нам на основе реально дошедшего до нас текста «Повести временных лет», ничего общего с ним не имеет (т. е. с образом летописца-политика.— Д. Л.); он неизмеримо проще, он не так хитёр, не так обуреваем «политическими страстями», как в этом пытаются нас уверить; он, вопреки общепринятому мнению, гораздо ближе к пушкинскому Пимену; «не мудрствуя лукаво», правдиво (!) описывал он всё, что знал, что считал необходимым рассказать; стоя

⁶⁵ Рубинштейн Н. «Летописный период русской историографии». «Учёные записки» МГУ. Вып. 93-й. «История». Кн. 1-я, стр. 4. Л. 1946.

⁶⁶ Ерёмин И. «Повесть временных лет», стр. 52, 54, 56, 57, 72. М. 1947.

⁶⁷ Шахматов А. «Повесть временных лет». Т. I, стр. XVI. 1916.

в стороне от междукняжеских распрей и осуждая их, он в политической борьбе своего времени — Ярославичей и их потомков — занимал свою независимую (?) позицию»⁶⁹ — и т. д. Эти утверждения И. П. Ерёмину вызывают необходимость вновь напомнить о неоспоримых фактах политической целенаправленности летописей.

В 1241 г. галицкий князь Даниил приказал своему печатнику Кириллу «исписати грабительство нечестивых бояр», и этот отчёт Кирилла составил основную часть княжеской летописи Даниила⁷⁰. В другом случае (1289 г.) князь Мстислав Данилович приказал занести в летопись крамолу жителей Берестья⁷¹. Как смотрел сам летописец на свой труд, показывает следующая характерная запись в сгоревшей Троицкой летописи. Под 1392 г. в ней читались горькие упрёки новгородцам по поводу их непокорности великим князьям московским: «Беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставны... кого от князя не прогневаша или кто от князя угоди им? Аще и великий Александр Ярославич (Невский) не унсовил им!»⁷². В качестве доказательства летописец ссылается на Московскую летопись: «И аще хошеши распытовати, разгни книгу: Летописец Великий Русьский — и прочти от Великого Ярослава и до сего князя нынешнего»⁷³. Действительно, Московская летопись полна политическими выпадами против новгородцев, тверичей, суздальцев, рязанцев, так же как и Рязанская, Тверская, Новгородская, Нижегородская летописи — против москвичей. В летописи мы встретим гневные обвинения боярства (в Галицкой, Владимирской, Московской), многословные выступления против демократических низов (в Новгородской), защиту «чёрных людей» от «житых людей» и боярства (в некоторых псковских летописях), антикняжеские выпады самого боярства (в летописи Новгородской XII в.), защиту основ великокняжеского «единодержавства» (в летописи Тверской середины XV в. и в Московской конца XV—XVI вв.) и т. д. и т. п. О чисто «мирских» — политических — задачах, которые ставили перед собой летописцы, говорят и предисловия к летописям. Составитель «Летописца княжения тферскаго благоверныхъ великих князей тферскихъ» (свода тверского князя Бориса Александровича) пишет в предисловии к своему труду, что он выполнил его по повелению «благочестна дръжателя» князя Бориса Александровича, что труд свой он посвящает прославлению «чести премудраго Михаила, боголюбиваго князя», т. е. Михаила Александровича тверского. Он намечает границы своего летописания «от Киева же бо начну даже и до сего богохранимаго Тферскаго града», говорит об источниках своей компиляции («Владимирский полихрон», «Русский гранограф по великому изложению») и точно указывает свои задачи: показать, как «господь бог възвыси и прослави рог Тверския земля», доказать, что и Михаил и его отец Александр тверской были «самодръжцами», «владяху землею Рускою», заимствовав свою власть по прямой наследственной линии от великого Владимира, «ниже святым крещением просветивый землю Рускую»⁷⁴. Со всем иной, антикняжеский характер носит предисловие Софийского временника. Его составитель не ставит себе цель восхвалять кого бы то ни было. Наоборот, он собирается поучать своих современников примером древних князей. Он делает резкие замечания по поводу князей, своих современников, иронизирует над поведением их и их дружины: «Вас молю, стадо Христово: с любовью приклоните ушеса ваша разумно! Како быша древнии князи и мужи их. И како отбараняху Руския земля и инья

⁶⁹ Ерёмин И. «Повесть временных лет», стр. 38. Л. 1947.

⁷⁰ Черепнин Л. «Летописец Даниила Галицкого». «Исторические записки» № 12 за 1941 г., стр. 251 и сл.

⁷¹ ПСРЛ. Т. II, стр. 932. СПб. 1908.

⁷² Карамзин Н. «История государства Российского»: Т. V, прим. 148.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. XV, стр. 463—469. СПб. 1863.

страны приимаху под ся: тии бо князи не собираху многа имения ни творимых вир, ни продажь въскладаху на люди. Но оже будяше правая вира, а ту взимааше и дружине на оружие дая. А дружина его кормяхуся, воюючи инья страны, быющяся: «Братие! Потягнем по своимъ князи и по Руской земли». Не жадаху: «Мало мне, княже, 200 гривен!» Не кладяху на свои жены золотых обручей, но хожяху жены их в серебре. И расплодили были землю Рускую; за наше несътъство навёл бог на ны поганых и скоти наша и сѣла наша и имения наша за теми суть. А мы злых своих не останем...»⁷⁵.

Политически-тенденциозный характер летописи может быть продемонстрирован ещё и следующим примером: под 1332 г. в Синодальном списке Новгородской первой летописи читается: «Иван (Калита) приде из Орды и възверже гнев на Новъгород, прося у них серебра Закамьского, и в том взя Торжек и Бежичьскыи верх за новгородскую измену». Однако слова «за новгородскую измену» оказываются написанными по выскобленному, а первоначально, как это явствует из чтения других списков Новгородской первой летописи, в нём стояли слова: «через крестное целование». Это означает, что летописец-новгородец обвинял Ивана Калиту в нарушении крестного целования: москвич же летописец, в руках которого в XV в. побывал Синодальный список, обвинил самих новгородцев в измене, выскоблив обвинения Калиты.

Представления о том, что создателями летописей были рядовые монахи, составлявшие их по личной инициативе в тиши монастырских келий, совершенно неправильны. Из всех известных нам по именам летописцев единственным рядовым монахом был, повидимому, Лаврентий, о котором, однако, точно установлено, что он только переписывал Тверской свод 1305 г., не внося в него ничего нового и даже не продолжив его до своего времени⁷⁶. В Киево-Печерском монастыре летописи вели игумен Никон, игумен Сильвестр, игумен Иоанн и отнюдь не рядовой монах Нестор. В Новгороде летописи велась представителями белого духовенства (Герман Воята, Тимофей), в Пскове летописи велись посадниками⁷⁷, в Москве — дьяками (Василий Мамырев, Стефан Бородатый). Наконец, особенно часто летописание находилось в руках дипломатических деятелей (Василий, выполнявший дипломатические поручения Мономаха, — под 1096 г. — в рассказе об ослеплении Василька Теребовльского⁷⁸, Герман Воята в Новгороде, выполнявший дипломатические поручения Нифонта⁷⁹, Пётр Бориславич⁸⁰ и др.). Не случайно в XVI и в XVII вв. Посольский приказ имел непосредственное отношение к летописанию: этому предшествовала длительная связь летописания с дипломатической работой. Вот почему летописцы никак не могут рассматриваться как отрешённые от жизни люди, стоявшие в стороне от междукняжеских распрей, от политической жизни своего времени; вряд ли это вообще было возможно для кого-нибудь из тех, кто находился в центрах тогдашнего летописания.

Таким образом, политически-тенденциозный характер летописи был отмечен А. А. Шахматовым безусловно правильно. Однако, несмотря на всю правильность утверждения А. А. Шахматова о политической заострённости летописного текста, конкретное раскрытие этого тезиса, предлагаемое нам А. А. Шахматовым, нуждается в существенных поправках. В самом деле, исследования А. А. Шахматова, так сильно повлиявшие и на историческую науку своего времени, сами в известной мере

⁷⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1-й. 2-е изд., стр. 9. Л. 1925.

⁷⁶ Приселков М. «Лаврентьевская летопись». «Учёные записки» ЛГУ. № 32. Серия исторических наук. Вып. 2-й, стр. 141—142. Л. 1939.

⁷⁷ Насонов А. «Из истории псковского летописания». «Исторические записки» № 18 за 1946 г., стр. 292.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. I. Вып. 1-й, стр. 257 и сл. Л. 1926.

⁷⁹ Лихачёв Д. «Русские летописи», стр. 213. Л. 1947.

⁸⁰ Там же, стр. 238.

носили отпечаток многих особенностей и недостатков исторической науки своего времени. Для А. А. Шахматова не существовало глубоких сдвигов в общественном сознании, классовой борьбы. В истории общественной мысли происходят, с точки зрения А. А. Шахматова, лишь смены политических концепций отдельных феодальных центров, но не смены идеологии и не борьба идеологий различных классов, сословий и т. п. Поэтому история летописания для А. А. Шахматова — это цепь однообразно составляемых сводов, в которых меняются только исторические концепции летописцев. А. А. Шахматов, конечно, не модернизировал прошлое, не переносил в прошлое современное историческое сознание: для него просто отсутствовала проблема изменения сознания под влиянием изменения материальной базы общества. Поэтому летописец у А. А. Шахматова лишён специфических особенностей своего времени. Летописцы разных эпох, представители разных классов и сословий общества не различаются между собой, так же не различаются между собой и приёмы составления сводов — от XI и до XVI века. А. А. Шахматов связал изучение летописания с исторической наукой (и в этом его неоспоримая заслуга), но он связал изучение летописи с исторической наукой своего времени, т. е. с буржуазной историографией.

Некоторые поправки к выводам А. А. Шахматова были предложены другими историками. Так, например, М. Д. Приселков рассматривал «идеологическую» сторону летописи уже не только в связи с политическими концепциями того или иного феодального центра. Очень интересны наблюдения М. Д. Приселкова над «Повестью временных лет»: М. Д. Приселков делает попытку вскрыть в летописи не только идеологию тех или иных феодальных центров, но и идеологию целых социальных слоёв. Именно поэтому М. Д. Приселков утверждал, что в «Повести временных лет» отразилась идеология не только управляющих, но и управляемых — городских слоёв населения Киева⁸¹. М. Д. Приселков отказался видеть в «Повести временных лет» только идеологию сторонника Владимира Мономаха. Он видел в ней и отражение политических воззрений старшей дружины (указав при этом конкретный путь проникновения этой идеологии в летопись — через Яна Вышатича⁸²) и идеологию низов феодального общества. В этой части работы М. Д. Приселкова, несомненно, отразились те решительные сдвиги, которые пережили общественные науки в целом после Великой Октябрьской революции. К летописи открылся подход как к явлению общественного мировоззрения, как к проявлению классовой или сословной идеологии, а не только идеологии того или иного феодального центра. Новый подход к идеологии летописцев сказался и в работах А. Н. Насонова, например, в его последней работе о псковском летописании⁸³, и в работах Л. В. Черепнина, например, в его работе о галицком княжеском летописании⁸⁴, и др.

В самом деле, приведём пример отражения в летописи идеологии целого социального слоя. Выше мы уже говорили о том, что М. Д. Приселков обратил внимание на дружинную идеологию в рассказах Яна Вышатича, но эта же дружинная идеология сказывается и в тех текстах «Повести временных лет», где нет оснований подозревать рассказы Яна. Под 1075 г. в рассказе о прибытии в Киев немецкого посольства проведена та мысль, что дружина дороже всякого богатства. «Се ни в что же есть, се бо лежит мертво, — говорят послы о богатствах Святослава, — сего суть кметье луче, мужи бо ся доишуть и болше сего»⁸⁵. В сходных выра-

⁸¹ Приселков М. «История русского летописания XI—XV вв.», стр. 32. Л. 1949.

⁸² Там же, стр. 18—21.

⁸³ Насонов А. «Из истории псковского летописания». «Исторические записки» № 18 за 1946 год.

⁸⁴ Черепнин Л. «Летописец Даниила Галицкого». «Исторические записки» № 12 за 1941 год.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. I. Вып. 1-й, стр. 198—199. Л. 1926.

жениях говорит и Владимир Святославич, когда до него дошёл ропот его дружины: «Сребромъ и златом налести не имам дружины, а дружиною налезу сребро и злато, якоже дед мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра»⁸⁶. То же противопоставление золота дружине звучит и в словах Ярослава Владимировича в Начальном своде: «Любимая моя и честная дружина, юже высекох вчера в безумии моём, не теперво ми их златом окупите»⁸⁷. Особенно ярко это противопоставление дружины богатству — золоту — ощущается в рассказе «Повести временных лет» 971 г. о Святославе и дарах Цимисхия⁸⁸. Случайно ли всё это? Может быть, летописец механически занёс в свою летопись «ходячую» мудрость своего времени, «ходячие» рассказы? Такому предположению противоречит то обстоятельство, что эту же идею проводит Предисловие Начального свода, сохранившееся в составе новгородских летописей: здесь летописец решительно и вполне сознательно противопоставляет старых русских князей, предпочитавших дружину богатствам, новым князьям, предпочитающим богатства дружине. Нельзя счесть за случайность и рассказ о похвальбе Святослава Ярославича своими богатствами. Летописец явно придал события своё толкование: в действительности Святослав не просто похвалялся перед послами своими богатствами, а и богато одарил их, и те не могли произнести своего поучения Святославу, так как сами приняли от него богатейшие подарки.

Естественно напрашивается вопрос: как могла проникнуть в монастырскую летопись дружинная точка зрения на политические события своего времени? Ответ на этот вопрос опять-таки лежит в сводном, компилятивном характере «Повести временных лет». Летопись — это не только свод предшествующих исторических материалов, не только свод различных стилистических приёмов, требуемых «этикетом» писательского ремесла, но иногда и свод различных идеологий. Последовательности, остроте и целенаправленности политической точки зрения летописца не противоречит стремление того же летописца сохранить в своей летописи более или менее сходные точки зрения, — сходные по своей направленности, хотя иногда и различные по исходным позициям. Идеология «старой дружины» была направлена против новой политики князей в конце XI в., и она даёт себя чувствовать в летописи Киево-Печерского монастыря, находившегося в споре со Святополком, а впоследствии эти же дружинные упреки князьям через Киево-Печерский Начальный свод переносятся в Новгород и здесь используются в совершенно иной социальной среде в целях боярской антикняжеской пропаганды⁸⁹. Для летописца не важно, с каких позиций критикуется княжеская власть: ему важна самая критика её; вот почему дружинная аргументация применяется в антикняжеских целях и в монастыре и в боярской республике.

Противоречит ли политически тенденциозный характер изложения летописи тому общепризнанному положению, что летопись являлась одновременно и проводником идеи единства Руси? Противоречит ли участие летописца в политической борьбе своего времени сознанию им единства Русской земли? Принося идейный уровень летописей и всячески подчёркивая механичность их составления, Н. Л. Рубинштейн утверждает следующее: «Местному летописанию чуждо самое представление об едином процессе русской истории»⁹⁰. Н. Л. Рубинштейн исходит при этом из предположения, что «Повесть временных лет» лишь случайно, путём механических присоединений, оказывалась во главе большинства местных летописей. Если даже отвлечься от вопроса о том, как и поче-

⁸⁶ Там же, под 996 г., стр. 126.

⁸⁷ Новгородская летопись по Синодальному списку, под 1016 г., стр. 82. СПб. 1888.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Вып. 1-й, стр. 70—71. Л. 1926.

⁸⁹ См. Лихачёв Д. «Новгородское летописание XII в.». «Известия АН СССР». Отделение языка и литературы, № 3. 1944.

⁹⁰ Рубинштейн Н. «Русская историография», стр. 25. М. 1941.

му «Повесть временных лет» оказывалась в юблостном летописании, если даже отвлечься и от вопроса, о том, как и почему решительно все местные летописи присоединяли к себе известия по истории других областей, иногда весьма отдалённых, то и тогда утверждение Н. Л. Рубинштейна опровергается целым рядом фактов. Текст местных летописей неоднократно свидетельствует о том, что сознание единства Русской земли сохраняется и в пору феодальной раздробленности: В 1152 г. Изяслав говорит дружине: «Бог всегда Рускы землю и русских сынов в бещестыи не положил есть, на всих местех честь свою взимали суть. Ныне же, братье, ревнуимы тому вси у сих землях, и перед чюжими языки дай ны бог честь свою взяти»⁹¹. Если даже летописец и не сам создал эту речь, то, передавая её, он во всяком случае, её понимал и ей сочувствовал. Призыв «постеречи земле Руской», «блюсти Руской земли» «за Рускую землю страдати» не раз раздавался в Киевской летописи XII века. Сознание единства Руси отчётливо выражено в Галицкой летописи в самом начале — в общей характеристике княжения Романа Галицкого⁹², во Владимирской летописи — в описании княжения Андрея Боголюбского и т. д. Да и как могло быть иначе, если рядом с владимирским летописцем работал составитель жития Александра Невского, рядом с черниговским летописцем — составитель «Слова о полку Игореве» и «Слова о князех», в Пскове — старец Филофей — создатель теории Москвы — Третьего Рима — был одновременно и летописцем⁹³ и т. д. О том же сознании единства Руси свидетельствуют и многочисленные редакции русских компилятивных хронографов (начиная с редакций Еллинского летописца). В каких бы местных условиях эти редакции ни возникали, всюду и всегда в этих хронографах итогом всемирной истории является русская история в её целом. Подводя итоги своим исследованиям генеалогии общерусских летописных сводов XIV—XV вв., А. А. Шахматов имел все основания писать о том, что характер московского летописания «свидетельствует об общерусских интересах, об единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей»⁹⁴. Безусловно прав и А. Н. Насонов, много работающий над областным летописанием, в своём решительном заявлении: «Может быть, нигде в средневековой Европе «летописание» не было на значительной территории, во многих местах и в течение многих веков так прочно связано, сцементировано, как летописание русское»⁹⁵. Конечно, кругозор местных летописцев был далеко не одинаков. После татаро-монгольского нашествия идейная направленность летописания снижается. Летописание Москвы начала XIV и летописание Москвы XV в. весьма различны по своему общерусскому охвату. Однако сознание единства русской истории было в большей или меньшей степени свойственно почти всему местному летописанию.

В каком отношении к политической идеологии летописца находится его мировоззрение в целом? Принято говорить о провиденциализме летописца, о его религиозном мировоззрении. Следует, однако, заметить, что летописец отнюдь не отличается последовательностью в этой своей религиозной точке зрения на события. Ход повествования летописца, его конкретные исторические представления очень часто выходят за пределы религиозного мышления и носят чисто прагматический характер. Отри-

⁹¹ ПСРЛ. Т. II, стр. 448—449. СПб. 1908.

⁹² Там же, стр. 715—717.

⁹³ Шахматов А. «К вопросу о происхождении Хронографа». Сб. ОРЯС АН Т. LXVI, № 8, стр. 112. СПб. 1899.

⁹⁴ Шахматов А. «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.». «Журнал Министерства народного просвещения» за 1900 г. Т. IX, стр. 91.

⁹⁵ Насонов А. «О русском областном летописании». «Известия АН СССР». Серия истории и философии № 4 за 1945 г., стр. 291.

чая у летописца представления о причинно-следственной связи событий, Н. Л. Рубинштейн выдвигает, однако, тип магических связей между природой и историей, которые якобы признаются летописцем. Н. Л. Рубинштейн выводит происхождение этих связей из того обстоятельства, что в написанных по годам статьях летописца оказываются в непосредственном соседстве «явления природы — затмение, гроза; стихийные бедствия — недород, моровая язва; и собственно исторические события — походы, договоры. Прямое соподчинение явлений природы и исторических событий — одно из характернейших явлений средневекового мировоззрения, летописного рассказа. Оно разрешается через вмешательство внешней силы, стоящей над жизнью и над природой»⁹⁶. Необходимо, однако, отметить, что явления недорода и моровой язвы никогда не ставятся летописцем в «прямое соподчинение» с событиями истории. Непосредственно связаны с событиями истории лишь небесные явления: затмения, явления комет, падения метеоритов, знамения на солнце, на луне. Только эти небесные явления могут предвещать те или иные исторические события. И это обстоятельство ясно показывает, что дело здесь не в ассоциациях по смежности, вызываемых беспорядочным расположением материала в статьях, написанных по годам, не в мышлении, следовательно, а в ходячих средневековых представлениях: в средние века и на Руси и на Западе было распространено учение о том, что судьбы человечества непосредственно связаны с миром звёзд и планет. Свой провиденциализм летописец в значительной мере получает в готовом виде, а не доходит до него сам. Свои религиозные представления он во всех деталях получает извне, они в значительной степени могут расходиться с его личным опытом, с его практической деятельностью как историка. Вот почему, к счастью для исторического знания древней Руси, летописец не так уж часто руководствовался своей философией истории, не подчинял ей целиком своего повествования, а внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к деловитому и в общем довольно реалистическому рассказу о событиях. Важно при этом отметить, что в выборе моментов, по поводу которых летописец находил необходимым пускаться в религиозно-дидактические комментарии, сказывался тот же средневековый этикет писательского ремесла, о котором мы неоднократно говорили выше.

В целом летописец — чаще реальный политик, чем отвлечённый моралист. Он политик по своему общественному положению, а моралист по этикету. Как политик он связан со своим временем и со своим княжеством, а как моралист он выключен из того и из другого, перенесён в отвлечённые нормы средневекового мировоззрения в целом. Как политик он своеобразен и индивидуален, как моралист он невыразителен, сух, пользуется ходячими цитатами из священного писания или из немногих русских сочинений богословского характера⁹⁷. В этой непоследовательности летописца ценность летописи, так как только благодаря этой непоследовательности в летописное изложение властно вторгаются опыт, непосредственное наблюдение, элементы реализма, политическая злободневность — всё то, чем так богата и благодаря чему так ценна русская летопись XI—XV веков.

⁹⁶ Рубинштейн Н. «Летописный период русской историографии». «Учёные записки». МГУ. Вып. 93-й. «История». Кн. 1-я, стр. 5—6. М. 1946.

⁹⁷ Обрисованная нами система исторического знания была характерна для древней Руси только в пределах от XI и до конца XV века. Шестнадцатый век отмечен резким переломом в подходе к историческому материалу. Меняется отношение к предшествующему тексту как к документу. В связи с этим поколеблен самый принцип составления сводов.